

Вожатая Женя

Каких только людей не забрасывало в наш лагерь волею судьбы. Многие из них прошли обочиной жизни, не нашли себя в пионерском лагере или не хотели этого. Так, занесло приливом, надо отсидеться, перетерпеть и плыть дальше.... Такие персонажи долго не выдюживали. Практически весь персонал проходил как хорошая водка «тройную очистку». Сначала начальник лагеря и его команда хоздвора проверяла на вшивость новенького как работает, как контактит, сколько пьет, держит ли удар и хорош ли в компании.

Затем, хочешь ни хочешь, приходилось общаться с вожатским коллективом и его лидером старшим пионервожатым. В этот коллектив входили не только пионервожатые и педагоги, но и руководители кружков, физрук, начальник клуба, заведующий зооуголком. Процедура была не из простых, и с кондачка, так вот запросто, не проходила ни у кого. Лишь многолетние отношения давали позитивный результат, прочее же безжалостно отметалось. Худшим вариантом было быть поднятым на смех. При этом форма исполнения могла быть различной — от сатирических куплетов до пародии в вожатском спектакле. После этого объект мгновенно приобретал неслыханную популярность, которая докатывалась аж до профкома НИИ ТП, после чего следовало оставление лагеря и возвращение на постоянное место работы.

Последним фильтром были дети. Они знали всех - от сестры-хозяйки Тамары Прокофьевны, строгой и молчаливой, до ассенизатора и водовоза Василия Ивановича немного суетливого, со смешной дикцией, невысокого человечка в кирзовых сапогах, но принципиально беззлобного. Если к Тамаре Прокофьевне в банный день тянулись вереницы пионеров с тюками постельного белья, то больше всего доставалось вожатым, которых сестра-хозяйка совсем не по-сестрински отчитывала за рваные наволочки, пропавшие простыни, уподобляясь фельдфебелю с усами и голосом лагерного «колокольчика» на центральной линейке. Зато на отрядные дни рождения та же Тамара Прокофьевна щедро

отсыпала в чистые наволочки шоколадные конфеты, печенье и прочие яства, которых и так хватало в ребячьих чемоданах. Дети ее уважали, но не боялись. Вожатые наоборот побаивались. На водителях санитарных машин дети просто ездили верхом, играли с ними в футбол и гоняли в горелки.

Василий Иванович, любил поиграть с пионерами в пинг-понг. Его манера игры веселила ребят старшего отряда. Маленький, с короткими ручками, он не мог дотянуться до шарика у сетки, чем пользовались длиннорукие пионеры старших отрядов. Во втором отряде дети также не хотели поддаваться взрослому и безжалостно громили его на теннисном столе. Короткая прическа жестких волос его вставала дыбом, но немного выпученные круглые глаза его все равно оставались добрыми и смеющимися. Зато в третьем отряде он играл на равных и даже иногда выигрывал. Проходящий мимо вожатый подначивал водителя: «Пора тебя, Василий Иванович, в сборную отряда по теннису включать!»

— Тренером, тренером — отшучивался тот, округляя слова сложенными в дудочку губами, — Ну, на крайний случай, играющим!

Но если кто пришелся не по вкусу, то берегись! Разномастная обезьянья стая малышей могла стоя в отдалении показывать на него пальцем и, кривляясь, дразниться всем своим видом показывая, что ему тут не место. Степень неприятия могла и повышаться, и тогда в предмет насмешек летели шишки больно, не по-детски, ударяя без разбору то в бок, а то и по голове.

Надо признаться, что начальники у нас были люди приличные, солидные и, главное, не лезли по большому счету в дела пионерской дружины. Каждый из них был сугубо индивидуален. Я помню скромного седого дедушку, который всегда ходил в костюме и напоминал доброго Деда Мороза. Ему на смену пришел крепкий коренастый мужик в белом халате, так лихо закручивающий подачу с прогибом на волейбольной площадке, что мог один выиграть всю игру только на них.

— Что, мягкие игрушки! Легли на землю, отобрали подачу? Шишок под носок не хотите! — бросал он вожатым, нервно су-

етящимся у сетки. Его сгубила диета три дня кряду он питался только свежим коровьим молоком, а следующие три «горючим топливом ракетчика». Но ни кто не видел его на территории детского городка в недостойном виде. Он просто исчезал в своем домике, и лишь приближенные к нему лица могли достучаться или дозвониться по неотложным вопросам. Что мудро, ибо телефонные провода запахи не пропускают.

Несколько лет лагерем руководил человек, прошедший огонь и воду пионерского лагеря. Он работал и вожатым, и кружководом, и физруком, и вот, дослужился до начальника. Я знал его в былое время, рос вместе с его детьми, а однажды даже держал ответ за бойкот, объявленный мною вожатой, которая считала, что отдыхают в лагере, прежде всего вожатые, ну, и немножко дети, а «тихий час» это для нее. Могу признать, что был он начальником справедливым, но любил окружать себя прихвостнями и немножечко заступал за черту в отношениях с вожатским коллективом. Тем не менее, на спортивных площадках его рослая фигура с лысым черепом всегда держала оборону и наступала мощно, уверенно, не оставляя шансов на случайный результат.

Были и другие начальники, но все они очень скрупулезно подбирали коллектив, заботясь о его сплоченности и работоспособности, ограждая его от излишних контактов с вожатыми и детьми, скрашивая его досуг талантами лагерного баяниста или залетной гитарой падкого до запретных напитков вожатого.

Поэтому «сливки» хоздвора, хотя и держались несколько обособленно от вожатых, но были вполне дружелюбны. Ну а как не будешь дружелюбным, если почти у каждого родное дитя было в отряде. Каждому родителю хочется, чтобы его ребенка в тихий час отпустили к мамочке погулять по лесу или покупаться на бассейн.

— Светочка, солнышко, - кричала такая мамаша своей восьмилетней дочке, резвящейся на мелководье — Выходи, ты уже целый час купаешься!

На что дочка недовольно фыркала и, не переставая окружать себя фонтаном из брызг, продолжала весело приседать и размахивать руками, превращая воды бассейна «Бучило» в водяную пыль.

— Светочка, радость моя, — не успокаивалась мамаша у тебя уже губки синенькие Выходи из воды!

На что дитятко разворачивалось к родительнице спиной, весело бежало по кромке бассейна, высоко подбрасывая тощие воробьиные коленки и шлепая маленькими ступнями по зеленова-то-голубой глади нашего лагерного моря.

— Светочка, сердце мое! — начинала нервничать и закипать мамаша Да ты уже дрожишь вся и цыпками покрылась.... Выходи из воды!

— Не-а! — безапелляционно бросало через спину ангельское создание, продолжая взбивать водяную стихию всем своим тельцем, барахтаясь и визжа от восторга.

— Светка, ну-ка марш на берег, собака безобразная! А то выпорю!

Пришедшая в ярость мать, потеряв терпенье, решительно направлялась к воде и, зацепив за руку-веточку, тащила свое чадо на берег. Чадо выкручивалось, отбивалось, кричало: « Не хочу! Я еще!»

Сочный шлепок по заднице, слышный каждому отдохавшему на бассейне в тихий час, разом решил все пререкания молодого поколения и родителя. Как - будто в торшере нажали на выключатель и свет погас.

Короче, большая семья пионерского лагеря жила единым организмом.

В наш первый отряд приехала вожатая Женя. Если честно, то по нашему мнению, она была старовата для гремучей смеси первого отряда. Жгучая темного оттенка крашенная шатенка с ярко красными губами явно не советской косметики и глубокими подведенными глазами Анидаг из «Королевства кривых зеркал». Узкие бриджи до середины икр и блузка «мэйд ин оттуда» поначалу напрягали не испытанный буржуазными изысками незатуманенный взор пионеров. Особенно настороженно смотрели девчонки,

инстинктивно разминая и разглаживая свои синие юбочки. Пионерский телеграф быстро донес, что Женя преподаватель музыки в консерватории, педагог по фортепьяно. И, кажется, что ее ребенок в самом младшем отряде, и она бежит его проводить.

Да мало ли кого в лагерь присылают! Это обстоятельство ни сколько нас не тревожило, тем более, вела себя вожатая смирно, особо не зарывалась, а интеллигентность и воспитанность, проявленные в общении с нами, позволяли даже несколько ослабить уровень дисциплины в отряде. В общем, нас все устраивало.

Особенно меня, поскольку в тихий час я обычно бежал в авиаракетный кружок, руководитель которого Ляля, частенько спрашивал меня то уголок оформить перед приездом комиссии, то модели подготовить к выступлению, а то, как он предложил, строить одинаковые модели и получить на них разряд по авиамоделизму. Короче, я работаю, он выступает продюсером, промоу-тером, про.... Как это в мультике про Вовку в Тридевятом царстве: «А что, вы и есть за меня будете?»

Другой страстью была музыка. Уж коли привезли в лагерь оборудование для вокально-инструментального ансамбля с настоящими барабанами, гитарами, органомой «Юность», то надо было оторваться в этом направлении на полную катушку. Я выбрал для себя бас-гитару в форме скрипки. Толстые струны на молчащем оборудовании вообще не звучали, дергай их хоть пальцем, хоть медиатором - целлулоидной пластинкой в виде сердечка. Зато, когда по усилику пробегала зеленая полоска, свидетельствующая, что напруга пошла, самое легкое касание струн тотчас отзывалось тяжелой вибрацией между позвоночником и пупком формирующегося детского тела. Музыка при этом ощущалась не только через уши, но и всем организмом, в котором физически дрожали и пытались сорваться с мест внутренние органы, так хорошо знакомые по плакатам гражданской обороны о последствиях радиоактивного облучения при ядерном взрыве.

На шестиструнной гитаре «Торнадо» с множеством кнопок и переключателей я играть не любил. Во-первых, играл плохо, т.е. совсем не играл, только пробовал. А во-вторых, четыре струны -

это все же полегче. А потом, интересно смотреть, как какой-нибудь пострел неосторожно приблизится к колонке вплотную, а тут ты и дернешь струну. Безумные глазенки октябренька разлетаются в разные стороны, уши прижимаются к щекам, а цыплячьи коленки повисают в воздухе, в попытке не оторваться от отброшенного взрывной волной тщедушного тельца. Пролетев метр или два, ошалевший чебурашка встряхивался как китайская хохлатая собачка и с видом глушенного окуня решительно двигался на прежнее место, закрепить ощущения невиданного аттракциона. Наблюдать за этим постоянно не было никакой возможности, поскольку надо было еще надсадно голосить в хрипящий микрофон: «Мы к вам приехали на час! Привет! Бонжур! Хэллоу!»

Танечка Коронцвит старательно давила на клавиши органы, которая привыкла выдавать свои электрические звуки только после того, как в оркестровке НИИ ТП на нее проливали дешевый портвейн, отчего где-то что-то перемыкало и уже, представив себя органом Хаммонд, раздолбанный музыкальный инструмент радовал окружающих синтезированными звуками. Понятно, что в пионерском лагере с портвейном была засада, поэтому инструмент артачился, категорически не хотел держать строй, а если и играл, то норовил так садануть педалью в ответственный момент, что самое тихое «пьяно» превращалось в громоподобное «крецендо».

Сначала наш джаз-банд разучил две-три песенки для пионерского концерта, а потом дело пошло и мы доросли до того, что бы играть вечером на танцах. Свою лепту внес вожатый второго отряда Володя, который был по тогдашним меркам крут! Модная стрижка под «шведского мальчика», голос с хрипотцой под Высоцкого, батничек и джинсы вдогонку... Володя помнил еще монстров российского рока группу «Сокол», а нам между делом помог разучить несколько песен модных в то время ансамбля «Червоны гитары» Северина Краевского из Польши и Карела Гота из Чехии. Конечно, это была еще та музыка! «Лес горит, пылают горы...!» — однако старожилы говорят, что от нее ни кто не умер, что тоже неплохой показатель.

Моим басовым образованием занялся заехавший в лагерь отец Катюши Бариновой, показавший рок-н-рольный ход, с которого начинают все гитаристы. Кожа на моих пальцах сначала дубела, потом надувались пузыри, потом все рвалось, обнажая розовую основу, потом рвалась и она. Но я неумолимо отодвигал костяную пластинку медиатора, и продолжал бубухать на своей бас-гитаре. Теперь бубуханье практически не прекращалось, чему несказанно радовались чебурашки, подталкивая к моей колонке все новых и новых ценителей аттракциона встряски ливера посредством акустического удара.

Женя, долгое время обходила клуб стороной, избегая слушать рев и скрежет кузнечного цеха, который мы развернули в ККЗ «Лесная тишина». На моей памяти это было одно из немногих лет, когда люди, занимавшие грим-уборные в качестве постоянного места жительства в пионерском лагере - художник и плаврук, в один момент собрали вещи, съехали и растворились где-то в октябрятских корпусах. В храме искусства царил шабаш! Мальчишка из детского дома, сидевший за барабанами, выкладывал в своих пассажах такие антраша палочками, такие дробы с переходами, что барабаны в замешательстве не успевали выдать один звук, когда от них требовали уже два других. Тарелки с искромсанными краями перешли от звона к дребезжанью, хэт шлепал своими губами не успевая глотнуть воздуха, а в бочку с неумолимой монотонностью пулемета «Максим» молотила колотушка расхлябанной педали.

Женя внесла в наш анархичный необузданный стиль свою интеллигентную ноту.

— Мальчики - сказала она — А вы можете играть без электричества?

Вопрос был неуместным и провокационным. Как это на электрических музыкальных инструментах играть без электричества?

— Вам надо послушать себя со стороны. Вы же себя не слышите! — продолжала вожатая. Если честно, то нам этого и не надо было вообще! Но она как-то так умело продолжила наш разговор, что мы убрали звук до минимума, перестали хрипеть в микро-

фон, и даже обнаружилось, что поем в терцию. Не скажу, что наш ансамбль после одного разговора с Женей стал другим, но то, что в нас что-то принципиально переломилось - это совершенно точно. Поэтому на очередном «Огоньке» с пионерским лагерем «Дружба», когда дело дошло до танцев, Женя, блистая вечерним платьем словно в консерватории, вышла на сцену и объявила:

— Джон ЛенОн и Поль Маккартини — Естердейз! Исполняет ансамбль пионерского лагеря «Звездочка».

И тут мы заиграли. Конечно, в консерватории нас не ждали, но это был уже и не кузнечный цех. Цех был позже, когда раздухавшиеся пионеры кричали:

— Давай: «Мы к вам приехали на час». «Зайчиков» — давай!!!»

Извини, Женя, но эти песни сыграть без скрежета металла и перестука колес бронепоезда невозможно!

Когда в конце смены Женя подошла ко мне и совершенно по-взрослому спросила, не хотел бы я заняться серьезной музыкой. Вопрос требовал немедленного ответа, но, пойманный на бегу между подготовкой к встрече рассвета и празднованием Дня авиации, я был морально не готов. Объяснений не было. Мое сознание, сформированное на болотных лежанках вокруг Головинских прудов, где по выходным дням тренировалась команда мотоциклистов с колясками, где пролегал Великий путь через болота от дорогого района кооперативных домов в наши заводские дебри фабрики им. Петра Алексеева и Лихачевки, где постоянно проходили пацанские стычки и разборки, мое сознание было не готово воспринять, что такое серьезная музыка. Для меня серьезней Битлз, Кридэнс и Роллингс ни чего не было. Да и откуда я мог знать, что мне предложили изучать игру на фортепиано — Чайковского и Стравинского, Гайдна и Моцарта... Извините, этих ребят я тогда просто не знал. Нет, я про них слышал, но отличить одного от другого это было нереально! Да и пианино в нашу однокомнатную квартиру поставить было некуда.

— Спасибо, Женя, — ответил я, собрав всю обнаружившуюся во мне вежливость — Но я, наверное, к этому не готов. Извини.

В моем доме до сих пор на почетном месте в боевом строю четыре гитары, одна укулеле, два синтезатора, губная гармошка, бубен и еще куча усилителей, педалей эффектов и комбики с микрофонами. Но иногда под ложечкой засосет, и давнее предложение заняться серьезной музыкой всплывает как облачко возможностей, предоставленных в детстве небом, которое не смог разглядеть или оценить. И легкое сомнение возникает в душе. Спасибо тебе, вожатая Женья!